

то настоящая музыка и сидитъ, по консерваторнымъ понятіямъ, „въ идеальности и цѣльности настроенія ни одинъ изъ стилей позднѣйшихъ временъ не можетъ сравниться съ тѣмъ стилемъ. То время, когда въ музыкальной техникѣ было всего менѣе уклоненія отъ общаго закона, всего менѣе исключеній и особенностей, совпадаетъ съ эпохой, когда во внутреннемъ содержаніи музыки было всего менѣе борьбы, страданія и болѣзненности...“ (тамъ-же). Такъ вотъ какъ: въ музыкѣ надо желать болѣе всего соблюденія „общаго закона“, исключенія и особенности, элементъ болѣзненности, борьбы, страданія, страстности — все вещи зловредныя! Положимъ, что г. Ларошъ есть человѣкъ уже совершенно крайній, изъ консерватористовъ консерватористъ, изъ консерваторовъ консерваторъ, и не всѣ его товарищи могли раздѣлять его фанатизмъ къ музыкальной старообрядчинѣ; однако, скиньте хоть 50⁰/₀, и все-таки останется на ихъ долю еще достаточно мраза и болота.

Итакъ, итальянская разслабленная золотуха и насморкъ — съ одной стороны, старовѣрская упрямая констипація — съ другой стороны, вотъ главное настроеніе стремленій, мыслей и понятій консерваторскихъ. Много ли все это могло приносить для просвѣтленія и развитія тѣхъ, кто подпадалъ надолго и беззащитно подъ эту формулу, да еще особенно, когда не носилъ въ себѣ достаточныхъ элементовъ для размышленія и самостоятельности?

В. Стасовъ.